

Н. А. КОСТРОВ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная статья и комментарии З. И. Власовой

Николай Алексеевич князь *Костров* (1823—1881) известен как писатель, этнограф и общественный деятель Сибири¹.

В 1923 г., когда Восточносибирский отдел Русского географического общества отмечал столетие со дня рождения Н. А. Кострова, было выявлено около 130 его печатных работ и статей. Однако литература о нем незначительна и сводится лишь к коротким упоминаниям². Исключение представляют небольшие заметки в старых энциклопедических словарях и статья О. А. Зеленикиной в «Этнографическом бюллетене» 1923 года.

Костров происходил из старинного, но обедневшего княжеского рода. В 1843 г. он окончил юридический факультет Московского университета, а в 1846 г. получил службу в Сибири, и вся его дальнейшая разнообразная деятельность связана с этим краем. Он был чиновником особых поручений при енисейском губернаторе, минусинским окружным начальником, секретарем статистического комитета и т. д.

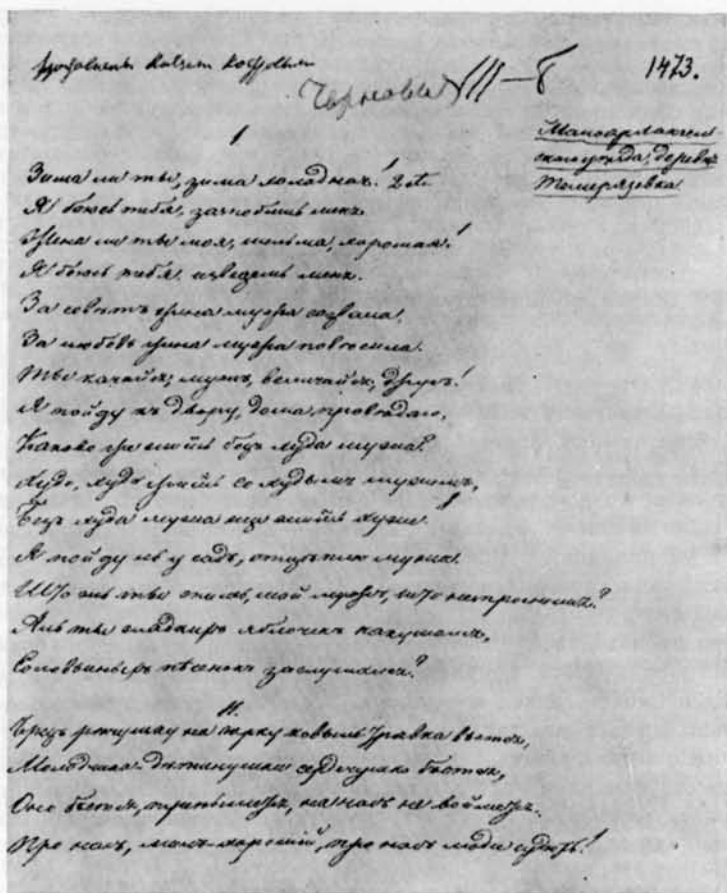
Многие современники отмечали широкую образованность, исключительное трудолюбие и незаурядность натуры Кострова. Этнографические очерки, книги и статьи его касались самых разных вопросов: этнографии и фольклора русского населения Сибири, отдельных сибирских народностей, географии, археологии, статистики, политэкономии, естественных наук, медицины, правоведения и сельского хозяйства. В течение тридцати лет он был деятельным членом Сибирского отдела Русского географического общества.

Деятельность Кострова в короткий «досибирский» период его жизни в науке почти не освещалась, хотя именно к этому времени относится его работа, связанная с участием в собирании песен вместе с П. И. Якушкиным для Киреевского (кратко упоминает об этом в «Истории русской фольклористики» М. К. Азадовский).

С Якушкиным Костров сблизился и, очевидно, подружился в студенческие годы. Он неоднократно участвовал вместе с ним в экспедициях за песнями. У матери Кострова было крошечное имение в Орловской губ., откуда был родом и Якушкин. Вероятно, они встречались и здесь.

В архиве Киреевского сохранились восемь из десяти тетрадей, озаглавленных «Русские народные песни, собранные летом 1843 г.». Большая часть песен записана Якушкиным, но есть среди них тетрадь: «Песни, записанные в Малоархангельском уезде Якушкиным и кн. Костровым»³. Слова «записанные» и «кн. Костровым» написаны рукой Якушкина.

Сохранились тетради с записями, сделанными ими в с. Крутое, Красное и Сабурово Малоархангельского уезда. На тетрадях имеется номер — 60, поставленный карандашом. Так были перенумерованы все материалы Киреевского после его смерти, и по ним составлена опись⁴. В ней против № 60 значится: «Малоархангельские. Я<кушкин> К<остров>». Вместе они записывали песни в Жиздринском и Лихвинском у. Калужской губ. (между прочим, с. Долбино, родовое имение Киреевских, входило в Лихвинский уезд). Записи Якушкина и Кострова из этих уездов не датированы, но, по-видимому, относятся к 1840-м годам. В «Новой серии» опубликованы сва-

«ЗИМА ЛИ ТЫ, ЗИМА ХОЛОДНАЯ...» и «ЧЕРЕЗ РЕЧУШКУ НА ГОРКУ
КОВЫЛЬ-ТРАВКА ВЬЕТСЯ...» (начальные строки) — ПЕСНИ ИЗ ТЕТРАДИ Н. А. КОСТРОВА

Копии записей Кострова, сделанных в деревне Темерязевка, Малоархангельского
уезда, Орловской губернии, 1843

Сверху на листе помета П. В. Киреевского: «Доставлены князем Костровым» и индекс рукой
П. И. Якушкина

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

дебные песни, записанные Костровым в с. Крутое (№ 581—583, 811—820), Красное (№ 584—587), в дер. Темерязевка (№ 588—591) Малоархангельского у.; необрядовые лирические (№ 2023—2030а) без указания его имени и места записи; там же опубликованы № 2378, 2683, 2770, 2875, а также записанные вместе с Якушкиным № 1993—2022, из которых П. Д. Ухов, обнаруживший в Государственном Историческом музее еще одну тетрадь Кострова, считает лично им записанными № 1999, 2013—2015, 2021 (рукопись П. Д. Ухова).

Черновых записей Кострова в архиве Киреевского не сохранилось, они передавались последнему в перебранном виде, поэтому нельзя судить обо всех качественных сторонах и принципах записи. Песни несомненно как-то редактировались, фонетические особенности говора почти не сохранены. Однако Костров, как и Якушкин, записывал песни с голоса. Об этом свидетельствуют повторения слов, тщательно сохраняемые им, вставки отдельных слогов и частиц, характерные для исполнения протяжных песен:

Ах, да не мила-та ли мне, мила мне, добру молодцу, мила мне здешняя сторо-
нушка...

Общение с Якушкиным и, вероятно, с Киреевским, интерес к фольклору, проявившийся в университете, на всю жизнь определили характер дальнейших научных занятий и всей деятельности Кострова.

По долгу службы ему приходилось немало ездить по разным областям Сибири: Иркутская и Енисейская губ., Туруханский край, Минусинский округ и др. Его этнографические очерки и статьи, печатавшиеся в ряде журналов, возникали нередко на основе личных наблюдений и записей, сделанных во время служебных поездок. Костров сотрудничал в «Москвитянине», в «Записках Сибирского отделения» и «Вестнике» Русского географического общества, в «Журнале Министерства внутренних дел» и других органах 1850—1870-х гг. Отдельными изданиями вышли два его небольших труда: «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии» (Томск, 1876) и «Очерки юридического быта якутов» (СПб., 1878). Множество статей и заметок фольклорно-этнографического характера публиковал Костров в газетах, выступая популяризатором и пропагандистом достижений науки. В «Сибирской газете», например, помещена одна из такого рода статей — «Народные предания татар о Кучуме и Ермаке» (1881, № 2).

В этнографических очерках об отдельных племенах сибирских народностей он приводит образцы богатырских и лирических песен, сказок, преданий, рассказывает о характере их исполнения. С большой художественностью написана им сцена заклинаний шамана, его беседа с духами, умело показано его незаурядное актерское мастерство в соединении с ловкостью фокусника и хитрым расчетом⁵. В работах Кострова нередко сообщаются общие этнографические и исторические сведения, даются характеристики фольклора местного населения. Особенно важны его труды по русской этнографии: «Онские селения» (1851), «Народные приметы крестьян — старожилов Минусинского округа» (1856), «Свадебные обряды минусинских крестьян» (1861) и др. Он не ограничивался только собственными наблюдениями, а широко привлекал и архивные источники: исторические акты, грамоты, договоры, купчие и т. д. Описывая бытовые условия жизни крестьян в разных местах Сибири, он объясняет положение крестьянства обстоятельствами исторического и социального характера.

Костров был знаком и дружен с самыми различными людьми из разных уголков Сибири. Многие из них были его корреспондентами и доставляли ему значительный и интересный материал. В работах Кострова не всегда даются сведения об исполнителях произведений фольклора и точные ссылки на места, где почерпнут материал, не в его обычае было придавать большое значение точным паспортным данным, но при публикации у него даются общие указания на источник или местность, а также — в какой среде произведена запись.

В свое время труды Кострова вполне отвечали требованиям этнографической науки (он был награжден Русским географическим обществом за свою этнографическую деятельность золотой медалью). Его статьи и очерки и сейчас важны как источник ценного в научном отношении и часто редкого фольклорно-этнографического материала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. о нем статью: О. А. Зеленикина. Н. А. Костров. — «Этнографический бюллетень». Восточно-Сибирский отдел Русского географического о-ва, 1923, т. 4, стр. 1—4, а также: А за до в с к и й. История русской фольклористики, т. I, стр. 336, 366, 406; т. II, стр. 26, 276.

² А. Барсов. Н. А. Костров. — «Отчет Русского географического общества за 1878 год». СПб., 1879, стр. 18—20; А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV. СПб., 1892, стр. 446; Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI. СПб., 1897, стр. 435—436; Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, в. 1. М., 1903, стр. 32—35; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1. Киев, 1909.

³ ЛБ, ф. 125, п. 54, лл. 2335—2350.

⁴ НС, в. II, ч. 2, стр. IX—X.

⁵ Н. А. Костров. Очерки быта минусинских татар. — «Труды IV археологического съезда в Казани». Казань, 1884, стр. 242—243.

№ 1

Зима ли ты, зима холодная! 2 etc
 Я боюсь тебя, зазнобишь меня.
 Жена ли ты моя, шельма хорошая!
 Я боюсь тебя, изведешь меня.
 За совет жена мужа созвала,
 За любовь жена мужа повесила.
 Ты качайся, муж, величайся, друг!
 Я пойду к двору, дома проведу,
 Каково же жить без худа мужа.
¹⁰ Худо, худо жить со худым мужем,
 Без худа мужа еще жить хуже!
 Я пойду ль у сад, отцеплю мужа.
 Што ж ты спишь, мой муж, што не проснешься?
 Аль ты сладких яблочек накушался,
 Соловьиных песенок заслушался?

№ 2

Через речушку на горку ковыль-травка вьется,
 Молодчика-детинушки сердечушка бьется,
 Оно бьется-трепещется, на нас не войдется.
 Про нас, мил-хороший, про нас люди судють!
 Пущай судють, пущай рядють, што я тебя люблю,
 Я до тех пор любить стану, покуль сам отстану.
 Возьму свою хорошую за правую ручку,
 Поведу жь я, хорошую, во чистое поле.
 В чистом поле при раздолье стояла береза*,
¹⁰ Што тонкая, высокая, листом широкая,
 Как на той же на березе сидел сиз голубчик,
 Такой сизенький голубчик, завдалый молодчик**.

№ 3

Соколик мой ясный, высоко ж, сокол, летаешь, меня спокладаешь;
 Спокинул же мил на горе, как корабль на море!
 При великой-большой жизни, пиши ко мне письма.
 Я пером писать не вмею, а просить не смею,
 А просить же я не смею: писарей имею.
 Писаря жь мои, владеи, писем не доставють.

№ 4

Ех, ночи жь мои, ночи жь мои темныя,
 Да вечера-та жь ли мои, вечера веселье!
 Как усе жь та я думы-думушки передумала,

* Кажется, что конец этой песни, именно, начиная со стиха, означенного звездочкою, составляет другую песню, которую я слышал в селе Колпне. <Прим. Н. А. Кострова.>

** Другая песня, оторванная от конца этой, продолжается так:

Я письма писать не вмею, а просить не смею,
 Я пером писать не вмею, писарей имею,
 Писаря ж мои, злодеи, письма изнутожутъ.

Это же самое окончание встречается и в некоторых других песнях Малоархангельского уезда и на границах Курской губернии. Одну из них прилагаю здесь под № III. <Прим. Н. А. Кострова.>

Што одна-та дума-думушка с ума нейдеть:
 Кабы были у меня, были сизы крылушки,
 Полетела бы я на свою сторонушку,
 Поглядела бы я на своих деток малых,
 Каково ужь они живутъ без отца, без матери.

№ 5

На горушке калина, 2
 На возморье малина.
 Молодая девчоночка
 Молодчика любила,
 За всю ночку до светочку
 За рученьку водила:
 — Пойдем, пойдем, девчоночка,
 Пойдем с тобой в огород;
 Пойдем, пойдем, девчоночка,
¹⁰ Поговорим мы с тобою.

№ 6

Солдатушки молодые,
 Офицеры полковые,
 Офицеры полковые —
 В руках плетки шелковыя;
 На плеточках фонаречки,
 В фонаречках огулечки.
 Выпал, выпал огулечик
 На калиновый мосточик.
 Подымались ветерочки,
¹⁰ Раздували огулечки:
 Горят они не сгарають,—
 Младца сердце занываить
 По душе красной девице,
 По названенькой сестрице.
 — Подойди ко мне поближе,
 Я скажу тебе словечко,
 Обомреть твое сердечко:
 Хочешь милый друг покинуть,
 А другую полюбить,
²⁰ Он восьмую-та — жену,
 Да девятую — вдову,
 Десятую — солдатку.
 У солдатки
 Губки сладки,
 У солдата
 Еще слаже.

№ 7

Как я устану ранешенько,
 Приумоюсь белешенько,
 Погоню жь я скотину на росу.
 Мне сустретился ведмедь на лесу.

Я ведмедюшки испужалася,
 За часты кусты металася.
 Выпадали жолуди, жолуди,
 Оставались одни тросточки.
 Рассыпались мои косточки
¹⁰ По еловенькой досточки,
 На чужих мужей гляючи:
 У меня ль, молодешеньки,
 Не велик мужичоночка.

Конец этой песни также поется отдельною песнею, начиная с двух последних стихов:

У меня ль, молодешеньки,
 Не велик мужичоночка:
 Йон весь с кулачоночка.
 Надо мною надругается,
 Над отецкою дочерью,
 Над великою боярыней:
 Заставляить разувать, раздевать,
 Часты пуговики расстегивати,—
 Его станить раздергивати.

№ 8

Ах ты, поле, мое поле, поле чистое!
 Ты раздолье ли мое, раздолье широкое!
 Да и што же та в поле, што в поле за травинька,
 Во чистом поле у нас што да за муравинька?
 Ах, ты когда взошла, когда ты выросла?
 — Я весной взошла, я летом выросла,
 Среди летечка я, ах, да залапушилась,
 Што я осенью, травка, да засушилась.
 — Ах, да вот и што же в поле, што за алой твет?
¹⁰ Да и што было ужь у нас, што за милой ли друг?
 Ох, я и спать-та ляжу, да во сне грезится,
 Ах, да будто мой-та ли милой предо мною йон стоять.
 Ужь и я ли, млада, во сне испужалася.
 — Ах, да я не вор к тебе пришел, ни разбойничик,—
 А я прежний ли твой полубовничик.

№ 9

Говорил ты мне, мил, приказывал,
 Да чesтью-лестью, душа, уговаривал меня:
 — Постепенней поживи, моя любушка,
 Моя беленькая голубушка.
 Я приказу твое, друг, мало слушалась:
 Со иным я со дружкой повадилася,
 Поводившись я с другим, я побранилася.

№ 10

Ах, да не мила-та ли мне, мила мне, добру молодцу, мила мне здешняя
 сторонушка,
 А постылее еще того мне, мой разлюбезный-та дружок, московская
 дорожка;

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Литография П. Русселя, середина XIX в.

Исторический музей, Москва

Ах, да што по той ли, по этой дороженке ли нету ходу-езду,
 Да только шел там, прошел удалой добрый молодец, йон прошел, провел
красну девицу-душу.
 С половины той дороженьки свово любезного дружка я ворочала:
 — Воротися ли ты, милый, уж ты, разголубчик ли ты мой, воротись,
надёжа,
 Да не воротись ли ты, уж ты, разголубчик мой, ступай — бог с тобою.

№ 11

Полынка, ты ли полынка, травка-полынь горькая!
 Полынь-травка горькая в поле зародилась.
 Не я ль тебя, полынь-травка, не я ль тебя сеяла?
 Сама ль ты, злодей-травка, сама зародилась?
 Заняла только ты, только в саду местечко,
 В садочку-то место удобное, место хлебородное.
 Свети-ка ты, светел месяц, на всю темную ночь,
 Штобы только видно было, куда милый мой пошел,
 Пошел только разголубчик мой али вдоль да по улице,
¹⁰ Вдоль-та по улице, ах, по широкой йон в конец.

№ 12

Што за мот, за вдал добрый молодец,
 Замотал йон свою-та головушку
 Ох, да по чужой дальней по сторонушке!
 Да сторона ль ты моя, сторонушка,
 Ты чужедальняя, незнакомая!
 Ах, у нас-то было со полуночи
 Сокаталася с неба звездочка;
 Ах, перепала ли младцу весточка,
 Ему весточка-то нерадостная,
¹⁰ Нерадостная, невеселая:
 Ах, да померла молодца сударушка,
 Сударушка ли, красная девушка;
 Што замёр мой у ей подарочик,
 Мой подарочик у ей, золот перстень,
 Да со правой ручки, со мизиньчика!
 Ах, да я пойду жь ли я, добрый молодец,
 Я со горюшка на конюший двор,
 Замуздаю я коня неезжалого,
 Ах, да я поеду я во собор-церкву,
²⁰ Отслужу, молодец, панихидушку
 По своей верной сударушке;
 Узойду, молодец, на могилушку
 Я к душе своей красной девице.
 Расступися ты, мать-сыра земля,
 Раскалися ты, гробова доска,
 Ты проснись-устань, красна девица,
 Ну, отдай же ты мой подарочик,
 Мой подарочик-золот перстень,
 Ну, возьми же ты свой шелков платок.

№ 13

Породила ли меня матушка несчастного на горе;
 Породивши меня, родная матушка счастья ли, доли она не дала
 Не дала мне только счастья-долюшки, — гулять волюшку младцу дала
 Гуляй, гуляй, мое дитятко, по всем селам и гарадам,
 Гуляй, гуляй, мое дитятко, на своем верном коню,
 На своем же ты гуляй добром коню по чужой дальней стороне.

№ 14

— Ты скажи, скажи, моя разлюбезная,
 Скажи, с кем стояла, с кем стояла ты?
 Ты кого жь, кого жь, моя разлюбезная,
 Кого дожидалась, дожидалась ты?
 — Ты с чего, с чего, разголубчик мой,
 С чего долго не был, долго не был ты?
 — Я весной-та, весной, сударушка, не был,
 Я не был за дождями сильными, за дождями;
 Ужь я летом в тебе, сударушки,
¹⁰ Не был за работой, за работою;
 Ужь я осенью-та в сударушки
 Не был за заботой за великою.
 Я зимой-та в тебя, сударушки,

Не был за снегами за глубокими,
 Я постом-та в сударушки я не был,
 Я не был за говеньем, за говеньем я;
 О святой-та ли я в сударушки не был,
 Я не был за гуляньем, за гуляньцем.

№ 15

Ужь я старого я мужа как-нибудь обману,
 Скажу: по воду ходила, по студеную воду,
 Под елиною стояла, сильна дождя пержидала;
 Я немного постояла, с милым дружкой настоялась.
 Ах ты, верная, манерная сударушка моя!
 Ужь не ты ль меня, сударушка, высушила,
 Без морозу без лютова сердце вынобила?
 Ты рассыпала печаль по моим ясным очам,
 Ты пустила сухоту по моему животу,
¹⁰ Присушила русы кудри ко буйной голове!
 Ужь 'на^{1*} баила, манула на свою-та сторону:
 — Перейди, друг, перейди, друг, на мою-та сторону!
 — Я бы рад бы перешел, переходу не нашел,
 Переходу не нашел, переезду нетути.
 Ой ло, ой ли, оло, ло, ло, ло, ло, ло.

Припев этот повторяется за каждым стихом.

№ 16

Летить пава, 'на^{1*} ронить перо.
 Не жаль павы, жаль перушек,
 Не жаль отца, жаль молодца!
 Удалой молодец полюбил меня:
 Йон и год любил и два любил,
 На третий год за себя узял;
 Но, взявши, йон на службу ушел.
 Йон и год служил и два служил,
 На третий год ко двору пришел.
¹⁰ Его жена встрела среди поля,
 А сестры встрели среди двора,
 А мать встрела супротив крыльца
 А и мать сыну расплакалась,
 'На^{1*} расплакалась и разжалилась:
 — Уж ты, сын, ты мой сын, сын сукин сын!
 Ты возьми, сын, свою саблю вострую,
 Отсеки ты жене буйну голову:
 Твоя жена, распутница,
 Всех коней твоих позаездила,
²⁰ Соколов твоих пораспродала,
 Все меды твои пораскушала,
 Все сады твои позасушены.
 Размахнул молодец свою саблю вострую,
 Йон отсек ли жене буйну голову —
 Покатилась голова под добра коня.
 — Ужь пойду я, молодец, с горя на конюшеньку, —
 Ужь кони мои стоять, овес-сено есть;

^{1*} 'на—она.— *Ред.*

Ужь пойду я, молодец, с горя в соколенку,—
 Соколы мои сидять подчищаются;
 30 Ужь пойду я, молодец, с горя в пасику,—
 Меды стоят позаплесневели;
 Ужь пойду я, молодец, во зеленый сад,—
 Зелен сад стоит зеленешунок!
 Закричал ли молодец громким голосом:
 — Ну, не мать ты мне, не родимая,
 А змея ты мне, змея лютая,
 Змея лютая, подколодная;
 Разлучила ты меня с молодой женой!
 Ну, пойду жь я, молодец, в нову горенку,
 40 В новой горенке колыбель висить,
 В колыбелочке дитё кричить.
 Я зальюсь, молодец, горючѣй слезой,
 Ужь и стану я дитё качать,
 Ужь и стану я прибаюкивать:
 — Баю, баю, мое дитятко,
 Люлю, люлю, мое милое!
 У тебя, дитё, нету матушки,
 У меня, молодца, молодой жены!

№ 17

Вот далече ли, вот далече ли в поле на раздолбцу,
 Што не белая-та березонька к сырой земле клонится,
 Не шелковая ковыль-травушка в поле расстилается,
 Она стелется-расстилается полынь-горькая трава.
 Што только горьчей тебя, моя травинька, горьчей во всем поле нет
 Горьчей тебя в поле, травушка, одна служба царская,
 Служба царская тебя ль, травушка, все государева.
 Што не полно ли вам, солдатушки, горько на часах стоять.

№ 18

Разнесчастный удал добрый молодец!
 Бесталанная его головушка!
 Ни в чем молодцу бог талана не дал,
 Што ни в батюшке, ни в матушке,
 Ни в товаре, ни в товарищах,
 Ни в душе ли красной девушке.
 На то горе, на несчастьеце,
 Навязалася молодцу худа жена,
 Што худа жена, некорыстная.
 10 Я поеду, молодец, во Казань-город,
 Я куплю жене черный кораб;
 За кораб, молодец, дам 500 рублей,
 Я гребцов найму, дам тысячу.
 Я пуцу кораб на Волгú-реку,
 Посажу жену на чернóй кораб;
 Ужь я сам узойду на крутой берег,
 Погляжу, молодец, как кораб плыветь.
 Но кораб плыветь, што сокол летить,
 Но гребцы гребуть, што крылом машуть,
 20 А жена сидить, што боярыня.
 Закричу, молодец, громким голосом:
 — Воротись, жена, воротись, душа!
 — Я бы рада воротилася, сердце камнем обратилося.

№ 19

Ужь ты, молодость моя молодецкая!
 Ох, да ни видал ли я тебя ли, молодость,
 Ты куда прошла, куда миновалася?
 Што женил, женил меня сударь-батюшка,
 Ох, да подговорщицей была родная матушка,
 На такой женил шельме, на негоднице.
 Она спать идет, што она змея сипить,
 На руку кладет, она цаловать велить,
 Цаловать велить, она укусить хочить.

№ 20

Как у Ванюшки заболела голова, голова
 Со вчерашнего со зеленого вина, со вина.
 Да надокучила нам холодная зима, зима,
 Да и обрадовать нас тепло лето и весна, нас весна.
 Да поразольются быстры речки, озера, озера,
 Да порасстроится широк город Москва, город Москва,
 Да пооткроются все трахтиры-погреба, все погреба.

№ 21

Шел мой милый друг рекою, а я крутым бережечком,
 Манить правой йон рукою: — Воротись, — сказал, — назад!
 Воротись, — сказал, — назад, — я забыл слово сказать.

ПОСИДЕЛКИ

Гравюра с рисунка П. П. Свинына

Скучно жить с милым в разлуке, вздыхать всегда по нем.
 Прошло время дорогое, прошло лето и весна.
 Друг, настало время злое: осень, холодная зима.
 Все местечки обнажились, ручеечки не текут;
 В лужках травка истребилась, алой тветик не тветётъ.
 Нас с любезным разлучаютъ, по нем плакать не велятъ,
¹⁰ Не велятъ по милом плакать, велятъ вздохи посылать.
 Уж вы, вздохи, мои вздохи, вы тяжелые мои!
 Полетите, мои вздохи, в ту прекрасну сторону,
 Вы мне милого сыщите, вы скажите про тоску.

№ 22

Ты приятель, приятель, друг ты мой сердечный!
 Позабыл ты, друг, свое прежнее приятство,
 Позабыл ты свое прежнее приятство,
 Изменил, друг, свое верное словечко.
 Ты со всеми у вечери, друг, простился,
 Ты со мною ль, красной девкой, со мной постыдился.
 Йон велел мне, мил, выходить во чистое поле,
 Мил под темную зеленую дуброву,
 Под белую под кудрявую березу.
¹⁰ Ужь я день, девка, до вечера стояла,
 Свои резвыя ножки пристояла,
 Свои белыя ручки примахала;
 Ужь я голосом ему кричала,— мил не слышать,
 Шелковым платком махала,— мил не видеть.
 Тяжелешенько вздохнула,— мил услышал,
 С половины пути милый воротился,
 Со мной, красной девкой, распростился.

№ 23

Ты сударушка, ты сударушка ты моя;
 Да зажурила ты, забранила меня, молодец,
 Ты журишь, ты бранишь, все любовь души к сердцу творишь
 Чаешь ли, лапушка, што я иную, мой друг, полюбил?
 Я по истинной по правде тобою, друг, побожусь,
 Я одноё ли вить тебя, девушку, люблю,
 По тебе ли, мой друг, свое здорovie, все здорovie гублю;
 Все селы я, все деревни, мой друг, презошёл,
 Чище, краше ли тебя у мире, я милее тебя не нашел.

№ 24

Ты прости, ты прощай, милая,
 Прости, лапушка моя дорогая.
 Слышно, лапушка, нам с тобой расстаться,
 Што нигде же нам с тобою не съезжаться,
 Ни в пути ли нам с тобою, ни в дороженьке,
 Ни в чужой ли нам с тобою, ни в сторонушке.
 Слышно, лапушка, нам с тобой, милая,
 Будить скорое нам с тобою расставанье.
 Што я чую, молодец, чужую сторонушку,
¹⁰ Што не жди же ты, душа, скоро письма от меня.
 Уж я сам, удал раздобрый молодец,

Я письма ли сам писать не вмею,
 Писарей я в себя не имею,
 Переслать к тебе письма, друг, не с кем,
 Скормым поштыцем с тобою повидаюсь.

[№ 25

Ты о чем, моя кукушечка,
 О чем ты кукуешь?
 — Уж и как же мне, кукушечке,
 Как не куковати?
 Што один-то был у меня зеленой сад,—
 И тот засыхаить.
 Каки были листики,—
 Усе обвалились.
 — Што о чем же ты, красна девушка,
 10 О чем слезно плачешь?
 — Ну и как же мне, красной девушке,
 Как слезно не плакать?
 Што один-то был у меня мил сердечный друг,—
 И тот спокидаить.
 Отъезжаить мой сердечный друг
 В другую губернию;
 Легки писемцы мил сердечный друг
 Никогда не пишить,
 А словесно он, разлюбезный мой,
 20 Никогда не накажить.
 Остаюся я теперь несчастная,
 Одна остаюся.

№ 26

Пошел молодец по базару гулять,
 Да зашел молодец во царев во кабак,
 Пбють молодца все его безденежно вином,
 Сняли с молодца бел-китайчатый халат,
 С разудалова шелков сняли кушак.
 Да как доведалася сударушка его,
 Запрягала 'на у карету ана лошадей,
 Подъезжала 'на кы цареву кабаку,
 Выкупала 'на бел-китайчатый халат,
 10 Выкупала полупелковый кушак,
 С резвых ноженек-та она сапоги.¹

Коллекция песен, записанных Костровым, хранится в ЛБ, ф. 125, п. 48, лл. 1473—1490. Песни записаны в тетрадь школьного формата из плотной, пожелтевшей от времени бумаги. Тетрадь без обложки; на первой странице вверху карандашом помета Киреевского: «Доставлены князем Костровым». Ниже другим почерком, тоже карандашом: «черновая — 1116». На полях указаны места записи песен — дер. Темерязевка и с. Крутое Малоархангельского у. Песни записаны чернилами и пронумерованы римскими цифрами (всего 34 текста). Десять песен из этой коллекции, свадебные и хороводные, опубликованы: *НС* (№ 582, 583, 588—591, 1141—1144, и одна в разделе песен, «не поддающихся точному определению места записи», без ссылки на собирателя — № 2683).

Песни публикуются в том же порядке, в каком они расположены в коллекции, с изъятием текстов, опубликованных ранее и одной нецензурной песни. В скобках после порядкового номера указаны порядковые номера текстов из тетради Кострова. В конце помещены две песни, найденные П. Д. Уховым в ГИМЕ (ф. 56).

№ 1 (I). Сокращенный вар. песни-баллады, известной с XVIII в. и популярной в центральных русских областях. Исследование сюжета — см. Балашов, стр. 389—390. Близкие и более полные вар.: *НС* № 1448; Шейн, в. 1, № 889; Соб., т. IV, № 585.

№ 2 (II). Лирическая протяжная, представляет контаминацию из двух песен, на что указывает и собиратель. Точных соответствий в печатных изданиях эта песня не имеет. По сюжетным мотивам близка к песне, известной с XVIII в. (Соб., т. III, № 406).

№ 3 (III). Фрагмент лирической протяжной песни. См. Шейн, в. 1, № 716.

№ 4 (IV). Фрагмент лирической частой песни. Точных соответствий в печатных изданиях не найдено. Вар. см.: *НС* № 2073; Соб., т. V, № 815—825.

№ 5 (V). Фрагмент лирической протяжной песни. См. Соб., т. V, № 353.

№ 6 (X). Лирическая частая песня, довольно редкая в печатных фольклорных собраниях. Вар. ее с другой концовкой — см.: Соб., т. VI, № 318.

№ 7 (XI). Широко распространенная плясовая песня, известная с XVIII в. Распространена с запевом «У людей мужовья добры». Вар.: Кашин, № 81; *НС* № 2502; Шейн, в. 1, № 611.

№ 8 (XII). Протяжная лирическая песня с очень распространенным запевом. Отдельные ее части встречаются в других протяжных лирических песнях (*НС* № 2121; Шейн, в. 1, № 804; Соб., т. V, № 721 и др.). Точных соответствий в печатных сборниках не имеет.

№ 9 (XIII). Протяжная лирическая песня, известная в XIX в. во многих вар. Данный текст очень краток. См.: *НС* № 1696, 2104, 2201; Соб., т. V, № 217—219; Листопалов, ч. 2, № 25; Песни Печоры, № 54.

№ 10 (XIV). Протяжная лирическая песня. В печатных песенных собраниях не встречается. Ср.: Соб., т. VI, № 231. Запись производилась с голоса, сохраняются повторения и вставки внутри строки.

№ 11 (XV). Протяжная лирическая песня, не редкая в печатных песенных собраниях. Вар.: *НС* № 1952, 2092 (ср.: № 2442); Шейн, в. 1, № 741.

№ 12 (XVI). Протяжная лирическая песня. В записи Кострова отличается хорошей сохранностью текста. В XIX в. широко распространена в центральных русских областях. Вар.: *НС* № 1640; Шейн, в. 1, № 805.

№ 13 (XVII). Фрагмент протяжной лирической песни, исполнявшейся в быту в качестве рекрутской. Вар.: *НС* № 2316, 2806; ср. также — № 1951, 2253, 2354.

№ 14 (XVIII). Протяжная лирическая песня любовного цикла. В печатных песенных собраниях не встречена.

№ 15 (XIX). Частая лирическая песня; исполнялась как хороводная и как плясовая. Известна с запевом «Верная, манерная сударушка моя». В XIX в. широко распространена с разными запевами и в разных вар.: *НС* № 1709; Соб., т. III, № 462—471.

№ 16 (XXIII). Песня-баллада с широко известным сюжетом «оклеветанная жена». Данный текст сохраняет все особенности старейшей версии этого сюжета (см. Балашов, стр. 382). Вар.: *НС* № 1703; Шейн, в. 1, № 896.

№ 17 (XXIV). Рекрутская песня, в наше время очень редкая. В печатных сборниках близких вар. не найдено. Записана с голоса.

№ 18 (XXV). Песня балладного типа, более распространена с запевом «Ах ты, молодость, моя молодость, / Молодость моя молодецкая». Известна в публикациях с XVIII в. Вар.: Шейн, в. 1, № 868—871; Соб., т. III, № 515—522; Балашов, стр. 90, 385.

№ 19 (XXVI). Краткий вар. протяжной лирической песни, известной с XVIII в. См. Кашин, № 28.

№ 20 (XXVII). Фрагмент протяжной лирической песни, редкой в печатных песенных собраниях. Вар.: *НС* № 2477.

№ 21 (XXVIII). Протяжная лирическая песня, более распространенная с запевом: «Уж вы, вздохи, мой вздохи». Вар.: Шейн, в. 1, № 718, 719; Соб., т. V, № 102; Песни Печоры, № 26.

№ 22 (XXIX). Протяжная лирическая песня, известная с XVIII в. Вторая часть ее встречается в песнях с другим сюжетом. Точных соответствий в печатных сборниках не встречено. Те же мотивы см.: Кашин, № 19; Истомин — Дютш, стр. 191—192; Песни Печоры, № 43.

№ 23 (XXX). Протяжная лирическая песня, известная с XVIII в. (см. Кашин, № 76); данный текст отличается: в верности клянется молодец, тогда как в тексте XVIII в. — девица. См. также: *НС* № 2263.

№ 24 (XXXI). Протяжная лирическая песня рекрутского цикла. Близких вар. в печатных сборниках не найдено.

№ 25. Протяжная лирическая песня, редкая. Близкий вар. ее записан Якушкиным тоже в Орловской губ. См. *НС* № 2115.

№ 26. Протяжная лирическая песня. Близких вар. в печатных песенных сборниках не найдено.